

□

Будем честны.

Когда Дэниел Линдберг задел нервы Алека Уокера разговором о потраченном впустую времени, Алек поклялся, что больше никогда не будет звонить первым.

Он не был мазохистом и не собирался развлекать пилота, который так легко раздражается.

Это ведь Дэниел принял звонок брата в машине, не считаясь с тем, что рядом был спутник. Так почему, стоило Алеку поинтересоваться этим, он стал «слишком чувствительным»?

Алек не мог этого понять. Почему он вообще должен был проявлять инициативу? Он бы отвечал на звонки, если бы они поступали, но дальше намеревался не проявлять никакого интереса.

Однако пальцы, опережающие разум, оказались проблемой. Смотреть в интернете победу Дэниела Линдберга в Гран-при Имола или его третье место в Монако, честно говоря, было разочаровывающе.

Сырая энергия существовала только на трассе — запах горячей резины, гул международной публики, жар асфальта, просачивающийся сквозь подошвы обуви.

И главное — отсутствовало то самое сенсорное давление Дэниела Линдберга.

В цифровых фрагментах не было ни блестящего пота, ни ленивого взгляда после всплеска адреналина. Видео Дэниела сильно уступали реальности. Даже его голос на пресс-конференциях звучал на тон ниже. По телефону он казался куда живее.

Несмотря на то что видео казались бесполезными, Алек запускал одно за другим, просматривая гонки Дэниела от недавних до дебютных. Безмолвная победа алгоритмов интернета.

Особенно выделялась одна гонка — его дебют, последняя, которую Алек смотрел.

В нелепо бело-сине-серебристом болиде, в другом комбинезоне, двадцатилетний Дэниел Линдберг ехал с отчаянием. Быстро уступив напарнику и скатившись в конец пелотона, новичок мчался так, словно мог рассчитывать только на себя. Он яростно атаковал любые зазоры, чтобы не дать перекрыть себе путь. Когда журналист спросил, разочарован ли он результатом, он рассмеялся так, будто вопрос был абсурдным, выглядя куда моложе, чем сейчас. В конце он резко оборвал интервью, сказав, что ему нужно идти.

«Он красивый, но с таким паршивым характером — как он вообще выжил как пилот?»

На мгновение Алек подумал об этом, затем с серьёзным выражением захлопнул ноутбук. Зачем я вообще смотрю этот бред?

Он был бизнесменом, и всё, что ему было нужно, — это трофеи, которые принесёт Дэниел Линдберг. Дэниел давно дал понять, что его единственное предложение — это его результат как пилота. Смотреть семилетние гонки ради удовольствия не имело для Алека никакой пользы.

И всё же он не мог отвести взгляд от гонок Дэниела.

Эта «лягушка» обладала талантом сбивать сенсоры Алека Уокера, упорно захватывая его пространство в голове.

С течением времени Алек смотрел всё больше гонок Дэниела. Тем временем сам Дэниел, похоже, был намерен вечно держать оборонительный щит — о чём свидетельствовало полное отсутствие сообщений или звонков.

Когда Алек пригласил в команду Мику Хаузера, Дэниел неожиданно удивил его звонком. Когда он выиграл трофей — он улыбнулся так, будто готов был отдать собственную плоть. Это был Дэниел.

Так почему же вопрос о брате вызвал настолько резкий холодный сдвиг? Разница температур была ошеломляющей.

И всё же Алек первым решил отпустить злость.

Как однажды сказал Дэниел в интервью, характер ведь важен, правда?

К тому же в голове давил плотный график рекламной сделки, которую Алек навязал ему перед Гран-при.

Проблема была в том, что ответ Дэниела на звонок Алека оказался неожиданным.

[Тогда не порть мне хорошее время и просто повесь трубку.]

Дэниел Линдберг был предсказуемым человеком.

Спроси, где он, — скажет отель или штаб-квартиру. Спроси, чем занят, — неизменно ответит: тренировка или подготовка к встрече. Иногда — еда или отдых, но ничего другого Алек припомнить не мог.

Но «хорошее время»?

Это слово, от которого невозможно было отвести внимание, вонзилось в сознание, как кинжал.

Вскоре он узнал, с кем именно проводит время этот «большой человек». Фотографии в соцсетях, собиравшие лайки и внимание в реальном времени, показывали первого пилота Ferrari, который часто оказывался на тех же пресс-конференциях, что и Дэниел, и непринуждённо с ним беседовал.

Как бы яростно Алек ни сверлил экран взглядом, словно его глаза были смазаны маслом, ничего не менялось.

На него обрушилась волна беспрецедентного недовольства. Плохое настроение было таким же привычным, как восход солнца и заход луны, но холодная хватка в горле оказалась новой.

В то же время в нём вспыхнула яростная решимость, игнорирующая все его обычные правила. Даже если это означало бессмысленную трату чудовищных возможностей, он решил, что должен увидеть Дэниела Линдберга прямо сейчас.

Его сломанные «датчики движения» развернули маршрут частного самолёта, как блин. Ему не нужны были несколько минут склеенных записей — ему нужно было видеть Дэниела Линдберга живым, дышащим, смеющимся, злым, смущённым и неловким, чтобы унять это отвратительное настроение.

С точки зрения Алека это было совершенно бессмысленной тратой времени. Если бы существовал закон, он, возможно, подал бы на Дэниела в суд за кражу времени.

Но когда он обнаружил Дэниела, стоящего в очереди за соком в аэропорту, по его мозгу будто прокатилась странная волна эндорфинов.

Хотя «курятник»-сиденье быстро испортило ему настроение, сейчас он чувствовал себя так же легко, как будто вес головы на плечах перестал что-либо значить.

«Это уже третий раз, когда я вижу его спящее лицо».

Салон теперь был тих, как кладбище. Окно, которое ещё недавно пропускало тёплый свет, теперь обрамляло закат, рисующий линию горизонта, а огни города мерцали, заполняя пустоту.

Измотанный ранним подъёмом, Дэниел крепко спал, как и остальные пассажиры. Он был так близко, что их лбы и подбородки почти соприкасались. Его тёплая щека и висок лежали на плече Алека, дыхание было ровным и мягким.

—

Вблизи черты лица Дэниела Линдберга были скорее лисьими, чем волчьими. Ироничная выразительность его лица делала его завораживающим для наблюдения.

Гладкая кожа, будто обработанная абразивом до идеального финиша, сочеталась с резким, как у скульпторы, носом. Слегка опущенные глаза выглядели жёсткими в напряжении, но сейчас, в спокойствии, они излучали почти болезненную уязвимость.

Густые брови и длинные, плотные ресницы создавали это противоречивое впечатление. Волосы, чуть отросшие так, чтобы прикрывать уши, путались так, что вызвали безрассудное желание дотронуться и распутать их. Но тень, которую отбрасывали волосы и ресницы вокруг глаз, создавала ауру, к которой было трудно даже приблизиться, не то что коснуться.

С закрытыми глазами его ясный, как пламя свечи, взгляд был скрыт, но плотные веки имели мягкий, слегка красноватый оттенок. Странно чувственная, крепкая шея была воплощением мужской гордости, а сильные плечи и подтянутая талия без лишнего грамма отражали дисциплину.

Во всех смыслах реальность была лучше видео. Этот простой вывод прошёлся по спине Алека неуловимым зудом, будто тёплый ветер скользнул по коже, а затем осел в крови и согрел сердце.

Он был не просто утончённым или просто красивым — возможно, именно поэтому он так притягивал.

Кто знает. В нём есть что-то, что заставляет людей теряться.

Пропитанный адреналином язык Алека коснулся нёба, заглушая смутное чувство тоски и пустоты.

Ему следовало с самого начала оценить его выше. Играть роль хитрого спонсора рядом с этой «лисой» теперь казалось стоящим делом. Но Алек не был тем, кто поддаётся эмоциям или инерции.

С точки зрения провокации воображения Дэниел действительно раздражал. Он быстро продолжал цепляться и врываться в повседневную жизнь Алека Уокера, вонзая туда свои передние лапы и топча всё подряд.

Говорят, от пули можно увернуться, но от медовой ловушки — нет. Пожар гнева стих. В самолёте, где усталость плыла, как опиумный дым, Алек молчал.

Даже после того как солнце окончательно село, он продолжал держать на плече чужую тяжесть, рассеянно глядя за горизонт. Вскоре он тихо, с усталой усмешкой выдохнул.

Когда он в последний раз так терялся, наблюдая закат?

Он занимался одним из самых нелепых видов пустой траты времени в своей жизни — и не испытывал к этому отвращения.

В его безупречном, как часы, мире появилась тонкая трещина.

□

Когда Дэниел открыл глаза, до посадки оставалось десять минут. Он инстинктивно поправил позу после напоминания стюардессы о ремне безопасности. Он проспал совсем немного, но тело стало заметно легче.

Но странная разница температуры на щеках не давала покоя.

Нерешительно Дэниел посмотрел на Алека рядом.

— Я что, уснул на тебе?

—

Это было «нет» или «да»?

Алек лишь зловеще ухмыльнулся. Не сумев понять, Дэниел решил не заикливаться.

Полет длился чуть больше двух часов, но стоило им встать после посадки, как тяжёлая усталость навалилась, будто ребёнок, вцепившийся в спину.

Словно к плечам добавили гири, а к пояснице прикрепили свинцовый блок.

Алек, похоже, чувствовал себя не лучше: он разомкнул застывшую шею и язвительно бросил шутку.

— Мне что, поблагодарить тебя за то, что ты вытащил меня до того, как я тут яйцо снесу?

— Просто заткнись и выйди. Почему ты всегда такой острый на язык?

Если уж он выбрал это «паломничество» вместо уютного частного самолёта, пусть идёт до конца без жалоб, мысленно подгонял Дэниел — и Алек послушно следовал за ним.

Они прошли вдоль мягко задёрнутых штор, миновали зону выдачи дьюти-фри и почти мгновенно добрались до иммиграционного контроля. Дэниел прошёл без проблем, но Алек окликнул его.

— Твой багаж?

— Скоро появится на ленте.

— Забери его. Я отвечу на звонок.

Проверив включённый телефон, Алек отошёл, принимая звонок в нескольких колоннах от Дэниела.

Стоя у ленты выдачи багажа, Дэниел отключился от происходящего, пока несколько иностранных фанатов не узнали его и не попросили сфотографироваться. Это были поклонники Формулы-1, прилетевшие в Испанию на Гран-при. Хорошие люди. Они поздравили его с победой в Имоле, вежливо поприветствовали, посетовали, что нет маркера, но в итоге получили автограф на планшете и ушли с улыбками.

Расставшись с фанатами, Дэниел быстро надел маску. К счастью, его зарегистрированный багаж вскоре появился на ленте.

Алек Уокер всё ещё разговаривал по телефону. Дэниел хотел было подойти, но решил наблюдать издалека.

И вскоре понял одну вещь. Алек был из тех людей, которые могли одним видом перетянуть на себя всё внимание — как витражное стекло готического собора с розовым узором, он словно притягивал взгляд сам по себе.

Он был рождён иначе. Естественная ловушка, капкан.

Обычно его глаза скрывали солнцезащитные очки, но сейчас, рассеянно глядя на знак «не курить», он стоял так, что половина людей с багажными тележками невольно оборачивалась. До слуха Дэниела долетали шёпоты о том, не знаменитость ли он.

<http://bllate.org/book/17841/1719166>